

Экономическое неравенство в советской России 1950–1980-х гг.

М. А. Безнин¹, Т. М. Димони²

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия.

¹otechist@yogu35.ru, ²dimonitm@yandex.ru

Статья подготовлена за счет гранта РНФ, проект № 19-18-00269

«Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.:

классовый генезис и эволюция экономического устройства»

Предложена трактовка экономического неравенства при социализме, коррелировавшая с местом групп в системе отношений собственности на средства производства. Высказано мнение о складывании в советский период особой формы собственности на средства производства — коллективной капиталистической собственности. Определено, что в этой форме собственности большую роль в складывании высшего класса (протобуржуазии) играло разделенное право собственности. Описаны основные черты советского госкапиталистического устройства — специфичная товарность (средств производства, труда, потребительской продукции), плановость, уникальная роль денежных механизмов. Сформулированы позиции в обществе других социальных классов, участвующих в производстве, — менеджеров, интеллектуалов, рабочей аристократии, пролетариата. На основании данных о величинах заработных плат, вкладов в сберкассы описано их экономическое размежевание. Показана тенденция к обуржуазиванию советского общества.

Ключевые слова: *экономическое неравенство, Россия, советский период, отношения собственности, классы.*

Вопрос об экономическом неравенстве довольно часто становится темой исследовательских рассуждений применительно к разным периодам истории России, в том числе и в отношении советского времени. Яркой чертой тематики таких работ является трактовка экономического неравенства как неравенства доходов, неравенства потребления и пр. Данная сторона вопроса, конечно, очень показательна, но, на наш взгляд, корень проблемы социально-экономического неравенства в СССР лежал в сложившемся еще в 1930-е гг. экономическом устройстве, предопределившем и социально-классовую градацию.

Проведенные нами в последнее десятилетие исследования позволили определить основные институциональные черты советского социально-экономического устройства как госкапиталистического. Данная трактовка вызывает множество вопросов, поэтому следует пояснить, что под государственным капитализмом мы понимаем устройство общества, где капитал становится основной производительной силой (главным фактором производства), а государство — инструментом реализации политики по построению нового типа общественного устройства. В ряде недавних статейных работ [Безнин, Димони, 2016; Безнин, Димони 2019; Безнин, Димони, 2020; Безнин, Димони, 2020а] и только что вышедшей монографии [Безнин, Димони, Гулин, 2021] охарактеризованы

осевые линии трансформации основных экономических институтов советского госкапиталистического общества — собственности на средства производства, планирования, товарности и денег.

Институт собственности в советский период прошел ряд этапов эволюции, что отражено в основных советских законах — Конституциях РСФСР и СССР (1918, 1924, 1936, 1977 гг.). Однако официальный статус общенародной собственности, как и кооперативно-колхозной, не отражал всей сложности реального функционирования данного института. Страна, пройдя через период форсированного первоначального накопления (особенно интенсивного в 1930–1950-е гг.) [Безнин, Димони, 2020б], складывание нового господствующего класса (протобуржуазии) [Безнин, Димони, 2019а], институционально сформировала по сути новый титул собственности — коллективную капиталистическую собственность [Безнин, Димони, 2020в].

Стадии воспроизводства (производство, распределение, обмен, потребление) согласовывались через действие институтов планирования, специфично сочетавшего балансовые и нормативно-директивные механизмы, и товарности. Институт товарности в советской России был уникален тем, что долгое время сосуществовал с весьма нерыночными механизмами, реализовывался как путем директивного изъятия и распре-

деления (фондирование, лимитирование в промышленности, госзаготовки в сельском хозяйстве, оргнабор в привлечении трудовых ресурсов), так и через относительно рыночные механизмы (оптовая и розничная торговля, зарплатные механизмы) [Безнин, Димони, 2021]. Деньги как институт советской экономики являлись преимущественно средством учета и контроля, выполнения народнохозяйственных планов, при этом основная их масса вращалась в системе безналичного оборота.

Все эти институциональные особенности во многом определили экономическую градацию советского общества 1950–1980-х гг.

Параллельно коренным экономическим изменениям трансформировалась социально-классовая система советской России. Основная масса занятых в народном хозяйстве РСФСР в рассматриваемый период работала в сфере материального производства: в 1960 г. — 82 %, в 1980 — 73 % от всех занятых¹. Именно производственная часть социума находится в фокусе нашего анализа. Вне материального производства также была занята значительная часть социума (сферы услуг, образования, здравоохранения, правоохранительные органы, армия пр.), но ее рассмотрение — задача отдельного исследования.

Среди первоочередных вопросов исследования экономического неравенства в России 1950–1980-х гг., на наш взгляд, находятся позиции различных социальных элементов производственного социума, во-первых, в отношении собственности на средства производства, во-вторых, в месте в производстве (производственном функционале), в-третьих, в формировании материальных статусов. Частично данные вопросы уже были исследованы авторами при изучении аграрного социума России в 1930–1980-х гг. [Безнин, Димони, 2019г]. В результате данного изучения было показано, что социальная структура производственных единиц аграрной подсистемы характеризовалась поликлассовостью, растущей сложностью социальных процессов, многовекторностью классовых интересов, особыми формами социального конфликта и сотрудничества. Согласно нашим выводам в советской России сложилось не два класса и прослойка, как это утверждалось официальной идеологией, а пять основных социальных классов (протобуржуазия, менеджеры, интеллектуалы, рабочая аристократия, пролетариат) [Безнин, Димони, 2011; Безнин, Димони, 2019д; Безнин, Димони, 2010].

¹ Народное хозяйство РСФСР за 70 лет : стат. ежегодник. М., 1987. С. 268.

Фундаментом вычленения социальных классов, как уже отмечалось, являлось складывание при советском госкапитализме особой формы собственности — коллективной капиталистической собственности. Эта форма собственности в качестве основной отличительной черты характеризовалась складыванием разделенного права собственности коллективного собственника — советской протобуржуазии. Будучи высшим классом советского общества, она делила титульные права собственности (владения, распоряжения и пользования) между отдельными когортами — партийной, советско-хозяйственной, плановой, финансовой и пр. В состав данного класса входили верхи политико-управленческого аппарата страны — первые секретари партийных органов разных уровней, председатели исполкомов, председатели правления банков и управляющие их отделениями, руководители Госплана и его региональных плановых органов, руководители систем снабжения и сбыта, балансовых и статистических органов, директора предприятий, председатели колхозов и ряд других категорий. Таким образом, осуществление прав собственника было в юридическом, властно-политическом и повседневном контексте функционально «сепарировано» между представителями господствующего класса. Это выражалось в их праве определять стратегическое направление развития страны, планировать конкретные результаты на долгосрочную и краткосрочную перспективу, направлять потоки финансовых ресурсов, вести учет и контроль по всем направлениям экономической деятельности и пр.

В целом система осуществления высшим классом прав собственника пока исследована крайне слабо, необходимы большие знания как о формальном, так и обычном порядке действий, соотношении институтов власти и собственности, более глубокая характеристика экономической системы советского времени. Частично такие исследования велись в советское время, например, изучалась система принятия решений, роль в них партийных, хозяйственных, плановых и других органов, функциональное действие разных органов и должностные полномочия лиц². Исследователи постсоветского времени обращают внимание на функционал проведения государственной политики управленческой элитой, стремление

² См. например, материалы социологического опроса: «Процесс выработки и принятия коллективных решений местными органами управления (количественные результаты исследования)». М., 1974 (авторы исследования М. С. Айвазян, Б. Г. Грушин, Г. Д. Токаровский).

к управлению ресурсными и финансовыми потоками [Коленникова, 2010; Елисеева, 2021; Волосов, 2013].

Внешние проявления функционирования института собственности в советской России свидетельствуют о стремлении высшего класса к увеличению степени коллективного владения — здесь и полное огосударствление «земли», и преобладание государственной формы собственности на основные капиталы (более 90 % производственных капиталов в 1950–1980-е гг. находилось в госсобственности), и постепенное сворачивание ресурсов кооперативной формы собственности со второй половины 1950-х гг. (фактическая ликвидация промкооперации, преобразование колхозов в совхозы и пр.), и неоднократные управленческие реформы, приводившие к кристаллизации класса собственников, в том числе за счет оптимизации его численности. Свидетельствовали о нарастании прав собственника и другие разнообразные меры: принятие законов об охране социалистической собственности, борьба с «разбазариваниями», постановка вопроса об элементах приватизации средств производства, обсуждавшаяся в верхах как минимум с конца 1970-х гг. [Островский, 2010, с. 105], а также нарастание элементов серых (теневых) экономических схем, в том числе в легальном производстве. В поздний советский период практически все основные экономические решения принимались после обсуждения представителями высшего класса в «своем кругу», включавшем представителей разных отрядов протобуржуазии. О ряде таких совещаний есть сведения в работах историков. Так, Ю. С. Никифоров описал проведение в 1983 г. при Совете министров СССР совещаний, посвященных реформе хозяйственного механизма совместно с руководителями промышленных предприятий и представителями экспертного научного сообщества [Никифоров, 2021].

Во второй половине 1980-х гг. разные отряды представителей класса протобуржуазии показывали свои интересы довольно открыто. Так, в 1988 г. Московский обком КПСС заказал исследование об арендных экономических отношениях, в ходе которого проводился опрос руководителей предприятий Московской области (исследование выполнил и обобщил результаты д-р экон. наук В. М. Рутгайзер). Руководители предприятий критиковали систему «распорядительства» (т. е. хозяйствования с большим контролем государственными и партийными органами), складывавшуюся в результате введения в действие Закона

о государственном предприятии (объединении), и выступали за более полную экономическую независимость предприятий (в тех условиях речь шла об аренде). Главный аргумент сторонников «аренды» состоял в усилении хозяйственной самостоятельности предприятий (о ней говорили 60 % опрошенных), тогда как в рамках действия Закона о госпредприятии хозяйственную самостоятельность как возможность отметили только 8 % опрошенных¹.

Все процессы «укрепления» собственнических позиций высшего класса сопровождались нарастанием экономических отношений нового типа, условно характеризуемых термином «рыночные». Одним из ключевых процессов в этом направлении было отмирание повинностной системы [Безнин, Димони, 2002], охватывающей в 1930–1950-е гг. как трудовые отношения (ограничительная паспортная система 1932 г., система колхозной внеэкономической эксплуатации через применение оплаты трудоднями, рабочее законодательство 1940 — середины 1950-х гг. и др.), так и другие стороны экономической жизни (система натуральных повинностей, денежных повинностей, наиболее ярко видные по деревенской истории). С 1960-х гг. в хозяйственной и идеолого-политической сферах всё больший вес приобретают институты экономического регулирования — зарплатные механизмы, стоимостно-ценовые рычаги, возрастает роль денежного регулирования и пр.

Вместе с новыми процессами в экономике всё более отчетливо вырисовываются и позиции других социальных классов. Регулировать собственнические отношения протобуржуазии через функционал управления производственной жизни был призван социальный класс менеджеров. Нарастание его роли в обществе связано с увеличением объема объектов собственности (основные капиталы советской России выросли с 1945 по 1986 г. более чем в 20 раз²), с усложнением управленческих институтов, увеличением ступеней производственного и распределительного циклов, расширением функционала менеджмента. Проведенные нами исследования показали, что класс менеджеров в советской России делился на крупные отряды, сосредоточенные как непосредственно в производстве (производственный менеджмент — главные инженеры предприятий, начальники цехов, главные бухгалтеры, мастера, бригадиры, начальники участков, ферм и пр.) [Безнин, Димони, 2020г], так и в системе управле-

¹ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 41. Л. 102.

² Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. С. 11.

ния (так называемый «аппарат», состоящий из ответственных работников партийных, советских органов, министерств, финансовых, плановых организаций и пр.) [Безнин, Димони 2020д]. Так как класс менеджеров участвовал в реализации части полномочий собственников — а именно в управлении капиталами и трудом, он находился на второй ступени социальной пирамиды страны, сразу после протобуржуазной части. Менеджерская часть общества под контролем высшего класса осуществляла задачи по реализации стратегических планов производства, прорабатывала методы решения народнохозяйственных задач, осуществляла состыковку экономических институтов общества, организовывала производственный цикл сверху донизу и пр. Без этой важнейшей части общества полномасштабное функционирование класса собственников становилось невозможным.

К «средним» классам советской России нами отнесены интеллектуалы и рабочая аристократия. Интеллектуалы базировали свой растущий социальный статус на приоритетном владении капиталом в виде знаний, приобретавшим особенно большую роль в эпоху НТР и в переживавшем становление постиндустриальном укладе. Как и менеджмент, интеллектуалы были представлены отрядами «производственного» и «надпроизводственного» сегмента (экономисты, бухгалтер, инженеры, агрономы, ветеринары, зоотехники и пр.). Данный класс играл ведущую роль в осмыслении направлений движения общества, решении тактических моментов выполнения властных установок, что проявлялось в его всё большем «втягивании» в орбиту интересов власти, приближении по статусу к менеджерскому классу и попыткам социальных устремлений в протобуржуазную прослойку. Статистические данные, начиная с 1960-х гг., показывают возрастание доли интеллектуалов в пополнении высшего класса общества (например, в составе ЦК КПСС в 1961 г. было 18 % выходцев из научной, технической и культурной интеллигенции) [Безнин, Димони, 2020в].

В основе статуса рабочей аристократии лежала их производственная функция, связанная с работой на машинах и механизмах, что частично порождало собственнические тенденции относительно «мертвого» капитала. Довольно часто такую ситуацию в официальных документах трактовали как «злоупотребления», однако скорее здесь нужно говорить о реализации части собственнических полномочий — пользования.

Класс пролетариата находился в нижнем сегменте пирамиды отношений собственности, он

был фактически отчужден от принятия решений, реализации полномочий собственников и пр. В основе отдаления от прав на собственность лежало выполнение этим классом наиболее рутинных производственных функций, связанных с преобладанием ручного или малоквалифицированного труда. Однако и данный класс был подвержен общим тенденциям, связанным с «обуржуазиванием» советского общества [Безнин, Димони, Столетова, 2020]. Эти черты развивались в сфере потребления и знаменовались увеличением объемов получаемых материальных ресурсов, возрастанием интереса к различным проявлениям комфорта (улучшение питания, интерес к моде, стремление благоустроить жилище и пр.). В проведенном в 1984 г. Институтом социологический исследований АН СССР исследовании «Проблемы развития и совершенствования советского образа жизни» отмечалось: «...у различных общественных и профессиональных групп складываются свои представления о минимуме и максимуме “разумности” потребления..., 46 % взрослого населения живут, по их оценке, среди людей, почти все или большинство из которых “интересуются в основном приобретением вещей”, считают это разумным и гордятся предметно-вещевой насыщенностью»¹. При этом обуржуазивание общества шло параллельно его пролетаризации и раскрестьяниванию [Безнин, Димони, 2002а], смещая центр тяжести ценностей с интереса к «земле» и работе на ней к городскому типу жизни и нравов.

Градация экономического неравенства в российском социуме, имея корни в отношениях собственности, внешне проявлялась и через неравенство в материальной обеспеченности. Любой изданный статистический сборник, посвященный развитию народного хозяйства республики, давал показатели дифференциации по заработной плате по профессиям и отраслям. Так, юбилейный сборник, изданный к 70-летию советской власти, показывал, что при средней заработной плате в России в 1960 г. 83,1 руб. в месяц рабочие промышленности получали 89,9 руб., инженерно-технические работники промышленности 135,3 руб., рабочие строительства 111,5 руб., инженерно-технические работники строительства 166,3 руб. в месяц и т. д., примерно такие же пропорции (при повышении средней заработной платы в 1985 г. до 204,1 руб. в месяц) сохранялись и в последующий период². Однако данные показатели являются

¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 90. Д. 132. Л. 18.

² Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. С. 279; Труд в СССР. М., 1988. С. 155.

лишь вспомогательными в характеристике экономической дифференциации общества.

Уточняя эту позицию, приведем данные об экономической дифференциации общества по децильному коэффициенту по уровню доходов населения. Данные исследования в 1960-е гг. начали выполняться в лаборатории моделей уровня жизни ЦЭМИ АН СССР под руководством Н. М. Римашевской. В расчет уровня доходов населения СССР включались суммы всех денежных доходов и расходов населения в расчете на душу — заработная плата, пенсии, стипендии, пособия, поступления из личного хозяйства. Расчеты показали, что уровень дифференциации по доходам выглядел следующим образом:

**Уровень децильного коэффициента
дифференциации населения СССР
в 1946–1968 гг.**

1946	1956	1959	1961	1964	1966	1968
7,34	4,44	4,21	4,18	3,72	3,26	2,83

Составлено по: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 68. Л. 32.

Продолжение данных исследований показало, что коэффициент дифференциации по децилям составлял в РСФСР в 1975 г. — 3,0, в 1980 г. — 4,1, в 1985 г. — 4,3, в 1989 г. — 4,2¹, т. е. оставался довольно малым. Конечно, в данных показателях не учитывались теневые источники доходов, а, судя по имеющимся сведениям, они могут суще-

¹ Тенденции социокультурного развития России 1960–1990 гг. — М., 1996. — С. 312.

ственно изменить картину. Так, в личном фонде Н. И. Рыжкова (РГАСПИ) сохранились документы, характеризующие советские экономические отношения, в числе которых указано, что во второй половине 1970-х гг. на долю 4 % вкладчиков сберкасс (имеющих на счетах по 2,5 тыс. руб. и более) приходится 33 % всей суммы вкладов, причем из общего ежегодного прироста на долю таких крупных вкладов приходилось 60 %².

Таким образом, экономическое неравенство в советской России 1950–1980-х гг. имело в своей основе неравенство собственности прежде всего на производственный капитал. Класс-собственник (протобуржуазия) имел преимущественные права, сосредоточивая в своих руках опции владения, распоряжения и пользования. Главной специфичной чертой реализации права собственности при советском госкапитализме была его разделенность, что отражалось в функционировании коллективного права собственности. Из всех остальных производственных классов советского общества ближе всего находился к собственнику менеджерский класс, осуществляя оперативные действия по реализации основных прав собственности высшим классом. Все остальные классы советского общества были отчуждены от права собственности на производственный капитал, что отражалось и в пирамиде экономического неравенства. Потребительский статус разных социальных групп был производным прав собственности, но не был основой вычленения классовых этажей.

² РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 41. Л. 62.

Список литературы

1. Безнин, М. А. К вопросу о подходах в изучении основных этапов социально-экономической трансформации советской России от аграрного к капитализированному обществу / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вестник Томского государственного университета. История. — 2020. — № 66. — С. 13–21.
2. Безнин, М. А. Институциональные особенности российского госкапитализма: от Сталина до Брежневца / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы теоретической экономики. — 2019. — № 2. — С. 118–135.
3. Безнин, М. А. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. — 2020д. — № 10–2. — С. 42–60.
4. Безнин, М. А. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони. — М. : Лананд, 2019. — 863 с.
5. Безнин, М. А. Завершение раскрестьянивания в России (вторая половина XX века) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Россия в XX веке: реформы и революции. — М. : Наука, 2002а. — С. 632–643.
6. Безнин, М. А. К вопросу о типе экономического строя СССР / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 5 (47). — С. 238–250.
7. Безнин, М. А. Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020в. — № 4 (13). — С. 186–201.
8. Безнин, М. А. О ключевых подходах к характеристике социально-экономического строя России второй

половины XX века / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы. — Вологда, 2020а. — С. 5–17.

9. Безнин, М. А. Первоначальное накопление капитала в советской России: приглашение к научной дискуссии / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. — 2020б. — № 7. — С. 22–42.

10. Безнин М. А. Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. — 2002. — № 2. — С. 96–111.

11. Безнин, М. А. Производственный менеджмент в советской экономике 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социально-экономическое развитие России во второй половине XX века: истоки, взгляды, процессы. — Вологда, 2020 г. — С. 36–63.

12. Безнин, М. А. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Новейшая история России. — 2019а. — № 2 (9). — С. 437–453.

13. Безнин, М. А. Социальная революция в советской России / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. — 2019д. — № 10. — С. 32–42.

14. Безнин, М. А. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Российская история. — 2010. — № 2. — С. 25–42.

15. Безнин, М. А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социс. — 2011. — № 11 (331). — С. 90–102.

16. Безнин, М. А. Товаризация средств производства и труда в экономике России 1950–1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. — 2021. — № 7–2. — С. 42–62.

17. Безнин, М. А. Экономической строй России 1950–1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони, К. А. Гулин. — Вологда : Полиграфист, 2021. — 250 с.

18. Безнин, М. А. Буржуазные тенденции в социальной жизни и менталитете советского общества 1950–1980-х гг. / М. А. Безнин, Т. М. Димони, А. С. Столетова // Вестник Костромского государственного университета. — 2020. — № 1 (26). — С. 77–86.

19. Волосов, Е. Н. «Красные директора» в постсоветское время: кризис идентичности / Е. Н. Волосов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2013. — № 2–1. — С. 161–170.

20. Елисеева, Н. В. Реформа как предмет исторического анализа / Н. В. Елисеева // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2021. — № 1. — С. 3–16.

21. Коленникова, О. А. Изменение социально-экономических установок директоров промышленных предприятий в ходе реформ / О. А. Коленникова // Общественные науки и современность. — 2010. — № 6. — С. 124–133.

22. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет : стат. ежегодник. — М. : Финансы и статистика, 1987. — 470 с.

23. Никифоров, Ю. С. Между инновацией и догматизмом: партхозактив как актор взаимодействия регионов и центра в контексте трансформации социально-экономической сферы СССР 1970-х — начала 1980-х годов / Ю. С. Никифоров // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 378–391.

24. Островский, А. В. Кто поставил Горбачева? / А. В. Островский. — М. : Эксмо, 2010. — 544 с.

25. Процесс выработки и принятия коллективных решений местными органами управления (количественные результаты исследования). — М., 1974. — 82 с.

26. Тенденции социокультурного развития России 1960–1990 гг. — М. : Паимс, 1996. — 507 с.

27. Труд в СССР. — М. : Финансы и статистика, 1988. — 302 с.

Сведения об авторах

Безнин Михаил Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Вологодский государственный университет. Вологда, Россия. otechist@vogu35.ru

Димони Татьяна Михайловна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Вологодский государственный университет. Вологда, Россия. dimonitm@yandex.ru

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2021. No. 2. P. 48–55.

Economic inequality in Soviet Russia in the 1950–1980s

M.A. Beznin, T.M. Dimoni

Vologda State University, Vologda, Russia. otechist@vogu35.ru, dimonitm@yandex.ru

The article was prepared at the expense of the RSF grant, project № 19-18-00269

«Transformation of Russian society in the 1950–1990s: class genesis and evolution of the economic structure».

The study proposes an interpretation of economic inequality under socialism, which is correlated with the place of groups in the system of ownership relations for the means of production. It discusses the special form of ownership of the production means formation in the Soviet period, i. e. collective capitalist property. It is determined that in this form of ownership the divided right of ownership played a large role in the formation of the upper class (proto-bourgeoisie). The article describes the main features of the Soviet state capitalist system, i. e. specific marketability (means, production, labor), planning, the unique role of monetary mechanisms. The work has formulated society positions of other social classes involved in production — managers, intellectuals, the working aristocracy, the proletariat. Wages and deposits in savings banks data help us describe their economic separation. The article shows the tendency to the bourgeoisization of Soviet society.

Keywords: *economic inequality, Russia, the Soviet period, property relations, classes.*

References

1. Beznin M.A., Dimoni T.M. K voprosu o podhodah v izuchenii osnovnyh jetapov social'no-jekonomicheskoy transformacii sovetskoj Rossii ot agrarnogo k kapitalizirovannomu obshhestvu [On the question of approaches to the study of the main stages of the socio-economic transformation of Soviet Russia from an agrarian to a capitalized society], in: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 2020, no. 66, pp. 13–21 (in Russ.)
2. Beznin M.A., Dimoni T.M. Institucional'nye osobennosti rossijskogo goskapitalizma: ot Stalina do Brezhneva [Institutional features of Russian State Capitalism: from Stalin to Brezhnev], in: *Voprosy teoreticheskoy jekonomiki*, 2019, no. 2, pp. 118–135 (in Russ.)
3. Beznin M.A., Dimoni T.M. «Nadproizvodstvennyj» menedzhment v sovetskoj jekonomike (1930–1980-e gg.) [«Over-production» management in the Soviet economy (1930–1980s)], in: *Voprosy istorii*, 2020, no. 10-2, pp. 42–60 (in Russ.)
4. Beznin M.A., Dimoni T.M. *Agrarnyj stroj Rossii v 1930–1980-e gody* [The agrarian system of Russia in the 1930–1980s]. Moscow, Lenand, 2019. 863 p. (in Russ.)
5. Beznin M.A., Dimoni T.M. Zavershenie raskrest'janivaniya v Rossii (vtoraja polovina XX veka) [Completion of the raskrestyanivaniya in Russia (the second half of the XX century)]. *Rossija v XX veke: reformy i revoljucii*. Moscow, 2002. Pp. 632–643. (in Russ.)
6. Beznin M.A., Dimoni T.M. K voprosu o tipe jekonomicheskogo stroja SSSR [On the question of the type of the economic system of the USSR], in: *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2016, no. 5 (47), pp. 238–250 (in Russ.)
7. Beznin M.A., Dimoni T.M. Kollektivnaja kapitalisticheskaja sobstvennost' v institucional'nom ustrojstve Rossii 1930–1980-h gg. [Collective capitalist property in the Institutional Structure of Russia in the 1930–1980s], in: *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2020, no. 4 (13), pp. 186–201 (in Russ.)
8. Beznin M.A., Dimoni T.M. O ključevyh podhodah k harakteristike social'no-jekonomicheskogo stroja Rossii vtoroj poloviny XX veka [On the key approaches to the characteristics of the socio-economic system of Russia in the second half of the twentieth century]. *Social'no-jekonomicheskoe razvitie Rossii vo vtoroj polovine XX veka: istoki, vzglyady, processy. Vologda: Vologda State University*. 2020. Pp. 5–17. (in Russ.)
9. Beznin M.A., Dimoni T.M. Pervonachal'noe nakoplenie kapitala v sovetskoj Rossii: priglasenie k nauchnoj diskussii [The initial accumulation of capital in Soviet Russia: an invitation to a scientific discussion], in: *Voprosy istorii*, 2020, no. 7, pp. 22–42. (in Russ.)
10. Beznin M.A., Dimoni T.M. Povinnosti rossijskih kolhoznikov v 1930–1960-e gody [Duties of Russian

collective farmers in the 1930–1960s], in: *Otechestvennaja istorija*, 2002, no. 2, pp. 96–111. (in Russ.)

11. Beznin M.A., Dimoni T.M. Proizvodstvennyj menedzhment v sovetskoj jekonomike 1930–1980-h gg. [Production management in the Soviet economy of the 1930–1980s]. *Social'no-jekonomicheskoe razvitie Rossii vo vtoroj polovine XX veka: istoki, vzglyady, processy*. Vologda: Vologda State University. 2020. Pp. 36–63. (in Russ.)

12. Beznin M.A., Dimoni T.M. Sovetskaja protoburzhuzija: genezis vysshego klassa rossiiskogo obshhestva [The Soviet Proto-Bourgeoisie: the genesis of the upper class of Russian society], in: *Novejshaja istorija Rossii*, 2019, no. 2 (9), pp. 437–453. (in Russ.)

13. Beznin M.A., Dimoni T.M. Social'naja revoljucija v sovetskoj Rossii [The Social Revolution in Soviet Russia], in: *Voprosy istorii*, 2019, no. 10, pp. 32–42. (in Russ.)

14. Beznin M.A., Dimoni T.M. Social'naja jevoljucija verhuski kolhozno-sovhoznyh upravlenecv v Rossii 1930–1980-h gg. [The social evolution of the top collective-farm and state-farm managers in Russia in the 1930–1980s.], in: *Rossijskaja istorija*, 2010, no. 2, pp. 25–42. (in Russ.)

15. Beznin M.A., Dimoni T.M. Social'nye klassy v rossijskoj kolhozno-sovhoznoj derevne 1930–1980-h gg. [Social classes in the Russian collective farm-state farm village of the 1930–1980s.], in: *Socis*, 2011, no. 11 (331), pp. 90–102 (in Russ.)

16. Beznin M.A., Dimoni T.M. Tovarizacija sredstv proizvodstva i truda v jekonomike Rossii 1950–1980-h godov [The commodification of the means of production and labor in the Russian economy of the 1950–1980s], in: *Voprosy istorii*, 2021, no. 7–2, pp. 42–62. (in Russ.)

17. Beznin M.A., Dimoni T.M., Gulin K.A. *Jekonomicheskij stroj Rossii 1950–1980-h godov* [The economic system of Russia in the 1950–1980s]. Vologda, Poligrafist, 2021. 250 p. (in Russ.)

18. Beznin M.A., Dimoni T.M., Stoletova A.S. Burzhuzaznye tendencii v social'noj zhizni i mentalitete sovetskogo obshhestva 1950–1980-h gg. [Bourgeois tendencies in the social life and mentality of Soviet society in the 1950–1980s], in: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 1 (26), pp. 77–86. (in Russ.)

19. Volosov E.N. «Krasnye direktora» v postsovetskoe vremja: krizis identichnosti [«Red Directors» in the Post-Soviet Period: an Identity Crisis], in: *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie*, 2013, no. 2-1, pp. 161–170. (in Russ.)

20. Eliseeva N.V. Reforma kak predmet istoricheskogo analiza [Reform as a subject of historical analysis], in: *Prepodavanje istorii i obshhestvoznaniya v shkole*, 2021, no. 1, pp. 3–16. (in Russ.)

21. Kolennikova O.A. Izmenenie social'no-jekonomicheskikh ustanovok direktorov promyshlennyh predpriyatij v hode reform [Changes in the socio-economic attitudes of directors of industrial enterprises during the reforms], in: *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2010, no. 6, pp. 124–133. (in Russ.)

22. *Narodnoe hozjajstvo RSFSR za 70 let: stat. ezhegodnik* [The national economy of the USSR for 70 years: stat. yearbook]. Moscow, Finansy i statistika, 1987. 470 p. (in Russ.)

23. Nikiforov Ju.S. Mezhdru innovaciej i dogmatizmom: parthozaktiv kak aktor vzaimodejstvija regionov i centra v kontekste transformacii social'no-jekonomicheskoi sfery SSSR 1970-h— nachala 1980-h godov [Between innovation and dogmatism: party activity as a factor of interaction between regions and the center in the context of the transformation of the socio-economic sphere of the USSR in the 1970-early 1980s], in: *Nauchnyj dialog*, 2021, no. 6, pp. 378–391. (in Russ.)

24. Ostrovskij A.V. *Kto postavil Gorbacheva?* [Who put Gorbachev?]. Moscow, Jeksmo, 2010. 544 p. (in Russ.)

25. *Process vyrabotki i prinjatija kollektivnyh reshenij mestnymi organami upravlenija (kolichestvennye rezul'taty issledovanija)* [The process of developing and making collective decisions by local government bodies (quantitative results of the study)]. Moscow, 1974. 82 p. (in Russ.)

26. *Tendencii sociokul'turnogo razvitija Rossii 1960–1990 gg.* [Trends in the socio-cultural development of Russia 1960–1990]. Moscow, Paims, 1996. 507 p. (in Russ.)

27. *Trud v SSSR* [Labor in the USSR]. Moscow, Finansy i statistika, 1988. 302 p. (in Russ.)